

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Статья «Социальные доктрины» была написана в 1979 году. Вот что писал о ней Абрам Ильич в неоконченной статье «Изложение политических доктрин»:

«Несколько лет назад я попытался описать основные политические доктрины в том виде, как их изобразили бы их нынешние представители. Это предприятие не было доведено до конца, главным образом по психологическим причинам. Конечно, способность поставить себя на место человека с другими взглядами безусловно необходима, чтобы понять его взгляды, но излагать чужую точку зрения как свою собственную казалось мне не совсем приличным. Автор, прибегающий к такому притворству, уподобляется актеру, который вживается в роль заданного ему персонажа, в некотором смысле забывая на время спектакля самого себя. Я не хочу этим сказать, что вижу в ремесле актера что-нибудь недостойное, но каждый вид искусства имеет свои условности, и пренебрежение этими условностями опасно. Не стыжусь признаться, что я решился все-таки прибегнуть к приему авторской мимикрии, заметив, что у меня был уже в этом предшественник: я нашел в «Опытах» Юма, написанных в 1741 году, такое же изложение философских доктрин, относящихся к смыслу человеческой жизни. Все мы проявляем больше смелости, когда следуем какой-нибудь традиции; как мы убедимся дальше, спокойствие и уверенность проще всего достигаются консервативным путем (отчего многие рукописи и остаются в ящике письменного стола)».

В начале 90-х годов А.И. снова вернулся к этой статье и начал писать третий вариант, где отчасти объяснил, почему он так упорно возвращается к этому вопросу:

«Для нашей страны, где никогда не было и до сих пор нет открытого общества, а все общественные дела решаются в закрытом кругу начальства и внезапно обрушиваются на головы «подданных», политические учения представляют, как может показаться, небольшой интерес. Ведь у нас нет настоящих политических партий и подлинных профессиональных союзов, выражающих интересы широких слоев населения. Но для будущего России важно, чтобы у нас знали хотя бы смысл этих политических учений. Рано или поздно в России возникнет организованная политическая жизнь: залогом этого является великая культура нашей страны и ее история, уже подошедшая перед октябрьским переворотом к форме современной цивилизации».

А.П. Петрова-Фет

СОЦИАЛЬНЫЕ ДОКТРИНЫ

А.И. Фет

Рассмотрены четыре идеологические концепции социального устройства общества: либерализм, консерватизм, социализм и революционизм. Доктрины изложены с позиций их приверженцев, так и с точки зрения критичного наблюдателя. Показаны отношения государства и общества и индивидуума в каждой из рассматриваемой систем. Отмечены взаимные влияния каждого учения в реальных исторических условиях. Показано, что в классическом виде ни одна из концепций не реализуема.

Ключевые слова: либерализм, консерватизм, социализм, революционизм, доктрина, функции государства, общество, социальная справедливость.

Либерализм

Мы начинаем очерк социальных доктрин с либерализма, и это, возможно, требует объяснения. Могло бы показаться, что либерализму исторически предшествует консерватизм: сначала должно существовать «традиционное» общество, стремящееся сохранить свой образ жизни, а потом уже являются реформаторы, стремящиеся «освободить» человека от уз этого общества. Такое толкование согласуется и с происхождением терминов: *conservatio* означает «сохранение», а *liber* означает «свободный». В действительности, однако, «консерватизм» в смысле простой косности, неизменности вовсе не является *доктриной*. «Лежачий камень», под который, по словам поговорки, «вода не течет», не обладает никакой доктриной неподвижности: он просто лежит. Точно так же наивно было бы приписать консервативную тенденцию обществам древневосточного типа, таким, как древний Египет или Китай. Консерватизм является *реакцией* на происходящие или предполагаемые новшества, поэтому с

ним и связывается обычно представление о «реакционности» (причем смысл этого слова столь основательно забыт, что оно воспринимается как обидная кличка). Но тогда, если рассматривать несколько идеализированную ситуацию, древние египтяне не были консерваторами: они были попросту законсервированы. Консерватизм как доктрина возникает в тех случаях, когда традиционный образ жизни оспаривается, и является «ответом» традиционного общества на спорные новшества. В этом смысле он имеет *вторичный* характер. В Европе консервативной доктрине предшествовала либеральная, по отношению к которой первая является производной.

Мы не занимаемся здесь *историей* социальных доктрин и оставляем поэтому в стороне вопрос, какие либеральные тенденции вызвали консервативные причитания известных египетских текстов и на что именно ответил Платон своей реакционной («коммунистической») утопией. Либерализм в его нынешнем виде возник в Западной Европе и получил отчетливую формулировку в XVII веке. Классиком ли-

берализма считается Локк. В основе либеральной доктрины лежит идея «общественного договора»¹.

Следующее дальше изложение либеральной доктрины носит позитивный характер; это значит, что мы говорим дальше от имени либерала, а не от собственного имени, избегая тем самым каких-либо критических замечаний. Позитивное изложение выделено горизонтальными чертами; после второй черты авторские комментарии дозволяются снова. Либерализм понимается здесь в его «чистом» или «крайнем» варианте, т.е. не учитываются поправки и видоизменения, исторически наслоившиеся на эту доктрину под влиянием других учений. Коррективами мы займемся дальше.

– Общество, – говорит либерал, – возникло из насущных потребностей человеческого общежития. Интересы людей должны были сталкиваться с самого начала, как только на свете появились первые люди. Возможно, в самый ранний период существования человека столкновения этого рода приводили каждый раз к жестокой и ничем не ограниченной борьбе – *bellum omnium contra omnes*. Эта эпоха оставила о себе смутные воспоминания в мифах и сагах всех народов, где происходят очень странные вещи. Но со временем люди поняли, что постоянные кровавые стычки обходятся им дороже тех интересов, которые они пытаются защитить. И они додумались между собой договориться. Вначале это было простое размежевание владений меж-

¹ Мы пользуемся здесь термином Руссо, который вовсе не стал либералом. Его коллективистское учение, исходной точкой которого был либерализм, привело к прямо противоположным результатам.

ду соседями. Затем понадобилось совместное выполнение разных работ, например, устройство каналов и плотин для орошения полей. Соглашения становились все более сложными, охватывали все большие группы людей. Так постепенно возникло государство.

Государство – это *res publica*, общее дело. Иначе говоря, это устройство, машина, общественный механизм, обеспечивающий общие интересы определенного числа людей и действующий по их взаимному соглашению. Конечно, это не было вначале «договором» в формальном смысле этого слова, да и возникли такие соглашения до появления всяких формальных понятий. И участники этих соглашений могут считать себя лишь простыми подчиненными, а иногда и жертвами государственных механизмов. Но в принципе государство существует с общего согласия граждан и в их интересах.

Государство не имеет никакого более глубокого смысла, чем простой общественный механизм, и более глубоких задач, чем охрана и размежевание интересов. В старину государству поручались чуждые ему функции, например, покровительство религии и содержание храмов; ему приписывалось божественное происхождение и тем самым сверхчеловеческий авторитет. Но в старину люди не умели четко мыслить, и понятия их были спутаны. Индийцы считают корову священным животным, но в действительности коров держат ради молока. Точно так же государство не должно быть для нас священной коровой: ничего таинственного в нем нет. Это всего лишь орудие, которое должно нам служить.

Функции государства можно разделить на внутренние и внешние. Главная внутренняя задача государства – охрана и раз-

межевание собственности. В старину все это было достаточно запутано, и государство зачастую занималось несвойственным ему хозяйственным руководством. Греческие цари Египта, Птолемен, назначали особых чиновников, которые указывали крестьянам, когда и что сеять. Из такого руководства ничего путного не выходит. Здоровый способ ведения хозяйства предполагает прямую заинтересованность и прямую связь человека с объектами его труда: только в этом случае труд может быть плодотворным. Человек должен быть прочно связан с участком земли, который он обрабатывает, с домом, в котором он живет, с орудиями, которыми он работает. А это и есть *собственность*. Собственность является основой всякого цивилизованного общества. Без собственности могут обойтись лишь дикари, живущие готовыми дарами природы; стоит им завести домашних животных или плодовые деревья, как неизбежно возникает собственность на то и другое. Туземцы острова Таити не знают собственности, пока собирают червей на берегу моря; но каждая свинья и там имеет хозяина.

Собственность создается трудом и бережливостью гражданина. Государство нужно ему, главным образом, чтобы эту собственность охранять. Государство не является собственником нашей земли, наших домов, наших орудий; оно не дарит нам их и не вправе их отнять. Все это – попросту наше. Дело государства – следить за правильным владением и правильной передачей собственности, предотвращать произвольное присвоение ее и, в некоторых случаях, не допускать злоупотребления собственностью во вред другим гражданам. Итак, государству нет дела до того, сколько собственности у Джона Доу и достоин ли Джон этой собственностью владеть. Если

он приобрел эту собственность по установленным правилам, т.е. получил по наследству, купил или создал своим трудом, то государство закрепляет за ним его имущество надлежащими актами и не позволяет нарушить его права. Государство следит, чтобы не были нарушены права наследников, обычно его детей. В некоторых особых, точно оговоренных случаях государство может вмешаться в хозяйственные дела Джона Доу, если они оказываются вредными для других людей; например, можно запретить ему разводить собак, свободно бегущих вокруг, или ограничивать его право наказывать чужой скот, пойманный в его огороде. Для всей этой охранительной деятельности государство должно, естественно, располагать специальными органами. Землеустройство, регистрация документов, полиция и суд оказываются неизбежными следствиями собственности и, тем самым, непременным признаком цивилизованного общества.

Другой важной задачей государства является охрана личности гражданина. Эта задача ставится здесь на второе место после охраны собственности, но вовсе не потому, что либеральная доктрина недостаточно ценит человеческую личность. Дело попросту в том, что права личности нарушаются главным образом из-за собственности, а затем уже по иным побуждениям. Собственность – причина подавляющего большинства конфликтов. Общество, как было уже сказано, построено на собственности, поэтому охрана собственности ставится прежде всего. Но, конечно, встречаются и другие мотивы, вызывающие враждебность между людьми. Государство должно заботиться, чтобы эта враждебность не выходила из границ: не допускать убийства, насилия и некоторых

видов оскорбления. Здесь опять нужны специальные органы, предупредительные и карательные, без которых общество не может существовать.

Конечно, было бы хорошо, если бы можно было без них обойтись. Но мы должны быть реалистами и *принимать людей такими, как они есть*. Даже ангелы, как известно, восстали против всеблагого и милосердного творца. Общество, каким мы его видим, состоит не из ангелов, а из людей, а люди по природе своей злы, порочны и завистливы к чужому добру. Может быть, в далеком будущем природа человека изменится к лучшему, но мечты об этом мы предоставим священникам и поэтам. Строя гражданское общество, мы должны исходить из фактов. Никто из нас не доверит свою собственность, свою жизнь и жизнь своих близких доброй воле ближнего; ставка в игре слишком серьезна, чтобы можно было обойтись без гарантий. Гарантии же должны все предвидеть; и в этом смысле — человек человеку волк. Все это мы должны принимать в расчет, но знание и предусмотрительность не делают нас хуже. Пока человек в опасности, он мечется между страхом и гневом; но он добродушен, когда его права ограждены.

Внутренние задачи государства включают также борьбу со стихийными бедствиями, с эпидемиями, болезнями животных и растений; с общественными язвами, такими, как пьянство и проституция. Государство должно иметь органы, сведущие в этих вопросах и наделенные достаточными правами. Государство берет на себя также ряд так называемых общественных работ: постройку дорог общего значения, устройство городских улиц и тому подобные вещи, поскольку они не относятся к обязанностям частных лиц. Наконец, естественно пору-

чить государству содержание почты, и тем более — установление мер и весов.

Этим, пожалуй, и исчерпываются внутренние задачи государства. Есть еще спорные вопросы: можно спросить, не должно ли государство содержать больницы и школы, богадельни для престарелых и инвалидов. Конечно, государство может иметь над такими учреждениями некоторый надзор, но вряд ли должно их содержать. Разные группы людей желают иметь разные школы и больницы; каждый вправе учить своих детей в школе, какая ему нравится, и лечиться у врача, которому доверяет. Вряд ли будет хорошо, если врачей и учителей будут назначать против нашей воли. Все это касается отдельных общин, которые устроят такие учреждения на свои средства и в своем вкусе. Благотворительность тем более должна быть делом общин. Община знает, кто из ее членов нуждается в помощи, государство же превратит богадельни в кормушки для бездельников и бродяг. Это вопрос здравого смысла: если милосердие чего-то стоит, оно не должно быть казенным.

Главная внешняя задача государства — защита от нападения. Для этого государство содержит армию и флот. Обходятся они очень дорого, но мы не можем верить в добрую волю других государств. Война не является для нас делом чести и означает расходы, которых надо по возможности избегать. Гражданину в обычных обстоятельствах вовсе незачем становиться солдатом: длительная отлучка может пагубно отразиться на его делах. Поэтому выгоднее всего сделать армию наемной. В случае крайней необходимости государство может призывать граждан под ружье: в таком случае все должны быть уверены, что речь идет о спасении страны.

Наконец, государство должно охранять наши торговые интересы и наших граждан во всех частях света, на суше и на морях; для этого приходится содержать послов и заключать договоры. Общество, которое не хочет остаться беззащитным, должно иметь армию, флот и дипломатический корпус. Администраторы, возглавляющие разные ведомства, должны время от времени собираться и обсуждать общественные дела; для этого нужен председатель или, что то же самое, президент.

Нам ясно теперь, из чего должен состоять государственный аппарат; возникает вопрос, *кто за все это будет платить?* Государственные расходы, естественно, должны быть разложены на граждан, в интересах которых и существует государство. Это их общее предприятие, которое они содержат на свои деньги, и каждый заинтересован в том, чтобы по возможности уменьшить свою долю. Вопрос о *налогах* оказывается, таким образом, самым главным вопросом гражданского общества, вопросом номер один. Граждане заинтересованы не только в раскладке налогов, но и в *способе их расходования*. Владея общим предприятием – государством – они желают иметь над ним контроль. Они желают, чтобы чиновники, составляющие все его многочисленные ведомства, были пригодны для своих обязанностей, вовремя сменялись в случае плохой работы и, самое главное, чтобы государственные деньги – их собственные деньги, собранные в виде налогов, – расходовались бережливо и разумно. Ясно, что за всем этим надо следить, все это надо обсуждать, и лучше всего было бы устраивать время от времени «общее собрание акционеров предприятия». Так оно и было в Афинах, в Новгороде и в других местах, где можно было собрать всех граждан на одну

площадь и дать им некоторую возможность высказаться. К сожалению, в большом государстве такая процедура невозможна; обсуждение государственных дел и, самое главное, контроль над раскладкой и расходованием налогов приходится возложить на *выборных представителей*. Ясно, почему это самое главное: без доходов, поступающих от обложения налогами, государственная машина не может действовать и одного дня; стало быть, кто контролирует налоги, тот контролирует все.

Теперь понятно, почему тысячелетия донесли до нас древнеримскую формулу, ставшую девизом американской революции:

Налоги без представительства есть тирания

Выборные представители, составляющие парламент или конгресс, контролируют администрацию и в особенности следят за сбором и расходованием налогов. Это и есть сущность *демократии*: через этих представителей народ осуществляет свою власть. Детали такого механизма могут выглядеть по-разному. Можно иметь, например, еще выборного президента, чтобы главой чиновников не был чиновник; или же можно поручить эту роль наследственному королю, который ведь тоже не чиновник. Но мы не будем заниматься здесь конституциями. Нас интересует доктрина.

Весь механизм гражданского общества, с точки зрения либеральной доктрины, существует в интересах человека. Люди заключают между собой «общественный договор», т.е. вступают в соглашение, как им разграничить и защитить свои интересы, избегая конфликтов и столкновений. Этот

механизм вовсе не касается многих существенных сторон человеческой жизни и может показаться достаточно бездушным. В самом деле, если это *социальная* доктрина, то где же планы *общественного развития*? Где *человеческие ценности*, выходящие за рамки безопасного материального благополучия? В чем состоит с точки зрения этой доктрины *идеал человека*?

Очевидно, обо всем этом в доктрине нет речи. И все же перед нами социальная доктрина, хотя и ограниченная в своих целях. Более того, ограничение это вполне сознательное и с точки зрения самой доктрины является ее достоинством. По либеральным понятиям «спасение» человека и человечества не может быть целью гражданского общества: каждый, по выражению Фридриха Великого, волен спасаться на свой манер. Роль государства в этой системе взглядов вполне аналогична регулировке городского движения. Цель такой регулировки скромна: она нужна для того, чтобы каждый мог безопасно двигаться по улицам, куда ему надо, с наименьшим риском столкновения и наименьшей затратой времени. Но при этом проходим не внушают, *куда* они должны идти: это личное дело каждого, не имеющее отношения к доктрине.

Скромный характер либеральной доктрины позволяет ее осуществить. Есть государства, более или менее подходящие к ее образу; между тем доктрины, обещающие намного больше, не могут выполнить своих обещаний.

Впрочем, так ли уж чужды либералам «человеческие ценности»? Если человеку *не* говорят, куда он должен идти, он может идти, куда хочет, если только не нарушает общих правил движения, т.е. не мешает идти другим. Отрицательное свойство док-

трины – то, чего в ней нет, – и есть величайшая из человеческих ценностей. Имя ей – свобода.

Легко заметить, что это изложение либеральной доктрины почти совпадает с системой общественных взглядов современного среднего американца «консервативного» направления. Дело в том, что мы изложили эту доктрину в ее «чистом» виде, т.е. примерно в том, какой она имела в XVIII веке. Но современный американский «консерватизм» – не что иное, как стремление сохранить положение вещей, сложившееся в XVIII веке, т.е. либерализм XVIII века. Мы еще не раз будем встречаться с подобной многозначностью терминов, вносящей иронический оттенок в различные политические рассуждения.

Важно обратить внимание на «бесцветность» либеральной доктрины в отношении «человеческих идеалов». Общество, организованное по либеральным канонам, может быть верующим или неверующим, старомодным или «современным», оно может придерживаться старой ригористической морали или новой «пермиссивной» (снисходительной). Более того, оно может быть рабовладельческим, как в Афинах: нигде не сказано, что в «общественном договоре» участвует все население, а не какая-нибудь привилегированная часть. Остальные могут вовсе не быть пайщиками предприятия, а, например, орудиями производства. Общественные доктрины, как мы увидим, в широкой степени нейтральны по отношению к «человеческим идеалам». Конечно, эта нейтральность имеет свои ограничения. Человек, не очень ценящий свободу или не знающий, что с нею делать, и тем более человек, не видевший свободы,

вряд ли станет сторонником либеральной доктрины; он может пользоваться ее плодами, но не станет за нее бороться. В общем, либерализм подходит к типу человека, дорожающему своей личной независимостью, и не подходит к типу, привыкшему жить по принятым обычаям и по указке других. В этом смысле средний современный американец и в самом деле не либерал. Он повторяет либеральную доктрину, но не обладает либеральным духом.

В наше время люди либерального склада не придерживаются либеральной доктрины в ее «чистом» виде. Мало кто из них выступает против государственной системы образования и здравоохранения, и никто из них не согласится жить в рабовладельческом государстве. Либералы многому научились, и прежде всего у своих критиков, суждения которых нам предстоит еще услышать. Но для наших целей требуется не синтетическая смесь разных взглядов, составляющая идейный багаж «современного» либерала, а та основная составляющая, которую он унаследовал от своих предков. Все другие доктрины мы будем также излагать в их «химически чистом» виде. Для ясного понимания предмета мы пытаемся, таким образом, выделить некие «первичные элементы»; по-видимому, это общий закон мышления, а во многих случаях и закон природы.

Консерватизм

Консервативная доктрина никогда не имела столь ярких и последовательных идеологов, как либеральная. Возможно, это объясняется ее вторичным, оборонительным характером по отношению к либеральной, а может быть, и тем, что сама доктрина гораздо хуже подается связно-

му изложению, а в некоторых частях, как мы увидим, и вовсе неудобна для изложения. Классики консерватизма составили в первой половине прошлого века реакцию против французской революции; философами этой реакции были де Местр и Карлейль, но гораздо больше повлияли на публику поэты-романтики, воспевавшие средние века, рыцарство и христианство. Молодой Гюго был строгим консерватором. «Романтизм» происходит от романского стиля в архитектуре раннего средневековья, главным образом церковной, и начал свою карьеру в виде ретроградного, крайне «правого» направления мысли. Но потом все это переменялось, и возникла, наконец, «революционная романтика»; сочетание это в этимологическом смысле напоминает «прогрессивный паралич». Но пора предоставить слово консерватору.

— Общество, — говорит консерватор — возникло вовсе не так, как это представляет себе мой друг либерал². Договорные отношения между людьми — это очень поздний и притом не самый важный способ улаживать общественные дела. Вообще, формальные отношения между людьми всегда вторичны; они лишь закрепляют сложившиеся отношения, в своем первичном виде не формальные. Соседи не заключали договоров в те времена, когда не было юристов. Один из них был попросту достаточно силен, чтобы выгнать другого из долины реки, но не решался подставить себя под град камней, посягая на соседнюю

² «Мой друг, лидер оппозиции, утверждал только что», и т.д. Мы выбрали вежливый (английский) стиль полемики; Англия — родина политических доктрин.

гору. Отсюда и пошло размежевание владений: одному досталась долина, а другому гора. Конечно, неприятно вспоминать, что в основе всякой собственности лежит право захвата; но именно так возникло современное общество. На что была похожа Европа в VI веке, или даже в X? Переселение народов не было предусмотрено договорами. Каждый захватывал, что мог, и пытался удержать захваченное. Читали ли вы средневековые акты? Первые дошедшие до нас договоры откровенно ссылаются на право захвата или говорят о будущих захватах. Это не справедливое размежевание интересов, а в лучшем случае регламентация грабежа. Договоры в том смысле, как их представляет себе мой друг либерал, в ту пору не существовали. Тем более их не было на заре человечества. Робинзон и Пятница, оказавшись на одном острове, не заключали между собой договора. Один из них съедал другого или обращал другого в рабство. Если силы их были примерно равны, одному доставалась долина, а другому – гора. Итак, «общественный договор» – не что иное, как удобная фикция, с помощью которой либералы пытаются придать основам общества некоторую респектабельность.

Конечно, право сильного не годится в качестве принципа современной жизни; но жизнь – жестокая вещь; жизнь, прежде всего, – это борьба. Законы, договоры представляют лишь регламентацию этой борьбы, правила игры, которым она должна подчиняться³. Это и есть цивилизация. Мой друг либерал говорил здесь о людях столь же сурово. Он говорил, что люди по природе своей злы, порочны и завистливы к чужому добру, но не сделал отсюда правильных выводов. Он признал эти свойства людей, чтобы оправдать охрану собствен-

ности; но люди не были лучше, когда эта собственность возникла. У нас нет иллюзий на этот счет; тем более дорожим мы тем, что у нас есть.

Отношения между людьми, сложившиеся таким образом, не были формальными. Они были органическими: это очень важное слово, и прошу вас его как следует понять. Общество не похоже на машину и не строится по чертежам; оно растет и набирает силу, как дерево, прочно утвердившись корнями в родной почве. Искусственное планирование производит одни уродства; мой друг заметил это в государстве Птолемея, но не хочет видеть того же порока в собственных планах. Очень уж бодро принимается он регулировать движение, забывая, что общество подобно *очень старому* городу, где каждая улица, каждый перекресток имеют свое сложившееся веками лицо. Улицы не только для того, чтобы по ним куда-то двигаться, а дома – не просто «машины для жилья», как это выдумал Корбюзье. В старых улицах есть своя поэзия, и каждый старый дом живет своей жизнью.

Главный порок либеральной доктрины в том, что она игнорирует *историю*. *Человек – существо историческое*. Он вырос вот здесь, в этой стране, на этой улице, в этой деревне. Он привык с детства к замшелой стене соседней церкви, где венчались его предки. Он дорожит этим прошлым, частью которого является сам, и не уступит вам даже игрушечных символов старины. Он не может быть предметом искусственного планирования и не выносит *придуманных* общественных механизмов.

Человек не существует вне истории. Но история создает его не человеком *вообще*, не абстрактным человеком, а каждый раз человеком особого рода: белым или черным, вялым или подвижным, шотландцем или тур-

³ Fair play – честная игра.

ком. Либералы хотели бы подогнать всех людей под одну мерку, но люди бывают разные. Что хорошо для человека одного рода, не годится для другого. Есть юридическая фикция, по которой все люди равны. Конечно, такие упрощения неизбежны в судопроизводстве; но в жизни ничего подобного нет. Не следует забывать, что рождение и воспитание делают людей *не* равными. У них разные возможности и таланты, разные потребности, вкусы и нравы. Люди не равны, и напрасно стараются сделать их равными. Такова реальность, с которой нам приходится иметь дело.

Врожденное неравенство людей – жестокая вещь, но ведь и жизнь в целом жестока. Мы можем смягчить ее жестокость разными правилами игры, например, равенством граждан перед законом. Но люди отличаются друг от друга гораздо больше, чем собаки разных пород, одни из которых растут с телят, а другие ужимаются в стакане. Человек пытается реализовать свои способности: если он Шекспир, он создает пьесы, если Ротшильд – создает богатство. Помешав ему в этом, ограничив свободный рост человека искусственными запретами, мы убили бы в нем всякую инициативу и энергию. И если он создает себе собственность и хочет передать ее своим детям, не будем ему в этом мешать. Нет другого способа сделать общество богатым. Равенство доходов сделает его нищим. В этом, кажется, не сомневаются и либералы: роль собственности в их доктрине достаточно очевидна.

Но люди не равны еще и потому, что принадлежат разным нациям и расам. Каждая из них имеет свою традицию, свои нравы и обычаи, свой способ жизни. И этот способ жизни для нее хорош, потому что создан историей по ее мерке. Стоит вам

разрушить традицию, и не будет больше нации: останется скопище бездомных людей, потерявших себя и друг друга, бессильно завистливых к чужой жизни. Так было везде, куда европейцы слишком грубо принесли блага своей культуры.

Человек естественно привязан к роду людей, среди которых он вырос. Можно развить в нем уважение к другим нациям и расам, но нельзя заставить их не делить людей на своих и чужих. Самое существование нации основано на том, что человек держится людей, родившихся в той же стране, говорящих на том же языке, имеющих те же обычаи. Эти чувства существуют, и никуда от них не уйдешь. Если мы хотим сохранить наши корни, – а мы хотим сохранить их, чтобы сохранить себя, – то мы не хотим слишком часто видеть среди нас чужих.

Этот глубоко заложенный в нас инстинкт нельзя считать чем-то враждебным культуре. Культура всегда конкретна; не существует культуры *вообще*, если не считать той культуры уличного движения, о которой хлопочет мой друг либерал. По мнению сведущих людей, эта все обезличивающая культура мигающих семафоров, иначе говоря, «современная массовая культура», представляет собой попросту *вырождение*. Каждая глубокая культура имеет исторические корни; это культура такого-то племени, людей такого-то рода. Бывают времена, когда все роды людей и все виды культур угрожают смешаться; тогда исчезает *определенность* человека, тождество его личности. Это и есть вырождение: так было в позднем Риме, и то же может случиться с нами. Мы не такие уж разумные машины, как предполагают либералы. Всякая общественная доктрина, в конечном счете, основана на чувствах, и мы принимаем то, что близко нашим чувствам. Мы любим наш

образ жизни, нашу историю, наш язык, и все это мы желаем сохранить, чтобы сохранить самих себя. Все это мы получили от наших предков и хотим передать потомкам всю особенность, весь неповторимый вкус родной жизни. Чужую жизнь мы уважаем, но смешаться с нею – не хотим.

Что касается «человеческих ценностей», то эти ценности и есть то, что мы хотим сохранить. Нет ценностей, одинаково ценных для всех. Мы ценим то, что создали наши предки и что продолжаем создавать мы. Нам трудно понять абстрактную формулу свободы. Мы хотим жить, как привыкли; а свобода именно в том, чтобы жить, как мы хотим.

Мы изложили консервативную доктрину, как это сделал бы современный англичанин консервативного направления. Он сделал бы это, если бы мог говорить откровенно, а это для консерватора не так просто. Конечно, английская островная ограниченность, культ силы и ксенофобия никогда не проявлялись в такой же истерической форме, как аналогичные явления у менее уверенных в себе наций; и все же ни для кого не секрет, что нацизм произошел от той же (пусть измельчавшей, затхло-мещанской и опереточно-романтической) консервативной традиции⁴. Поэтому нынешний английский консерватор стыдится, когда его чувства выражают в слишком уж откровенной форме, как это делает, например, мистер Поуэл. Однако, то, что можно сегодня услышать в столь откровенной форме от «человека с улицы», в XVIII веке было языком образованных джентльменов. Тогда и

⁴ Весьма английский консерватор Киплинг излагает в «Маугли» идеал *любого* фашизма.

сложился в Англии консерватизм, и теперь его придерживаются те, кто стремится сохранить установившийся тогда порядок.

В отличие от либеральной доктрины, консервативная всегда имеет «местный колорит». Но по существу она так же нейтральна к «человеческим идеалам». Речь идет о *сохранении* привычного образа жизни – все равно, какого. Негритянский или малайский консерватизм отличается от английского лишь языком и темпераментом, но не лежащей в основе психологией. Консерватизм подходит к типу человека, привыкшего жить по традиции и сильно чувствующего принадлежность к сообществу (к стаду, как сказал бы Ницше). Если в традицию входит свобода, то англичанин любит свободу и даже выдает ее за продукт английской выделки. Если в традицию входит рабство, то свобода воспринимается как подозрительная иностранная спекуляция, что характерно для консервативно настроенных русских.

Консерваторы тоже многому научились; если главными учителями либералов были консерваторы, а затем, в особенности, социалисты, то учителями консерваторов были либералы; поскольку вся консервативная доктрина возникла как реакция на либеральную, она и должна была развиваться вместе с либеральной, с оглядкой на эволюцию противника. К социалистам консерваторы демонстративно враждебны, и если кое-что у них перенимают, то в этом не признаются.

Социализм

Как мы уже отметили, и либеральная, и консервативная доктрины достаточно нейтральны по отношению к «идеалам» и описывают два типа личности: «независимую»

и «традиционную». При этом безразлично, *от чего* и *ради чего* либерал добивается независимости и *какую* традицию отстаивает консерватор.

Обе доктрины, хотя в качестве отчетливо сформулированных учений они сложились в XVII – XVIII веках, выражают, таким образом, очень древние психологические установки. Афины и Спарта были, в смысле этой психологии, образцами либерального и консервативного общества; первое из них было обществом рабовладельцев, а второе – обществом рабов (или муравьев, существующих только вместе).

Не случайно при изложении обеих доктрин нам ни разу не пришлось сослаться на какой-либо «идеал человека». Если речь идет о столь общих психологических установках, то религии здесь делать нечего, хотя она, может быть, входит в традицию консерватора или от нее диссидирует либерал.

Христианский идеал человека не связан, таким образом, ни с одной из этих («буржуазных» в Европе) доктрин. В Средние века христианская концепция человека лежала в основе некоторой политической доктрины, гораздо более специфической, чем либеральная и консервативная. Эта стройная в теории, хотя никогда в полной мере не осуществленная доктрина представляла себе весь христианский мир (т.е., с точки зрения тогдашнего европейца, весь «человеческий» мир) единой общиной, с папой в качестве духовного пастыря и императором во главе светской власти. Целью отдельного человека было спасение души, целью общества – подготовка к Судному дню. Таким образом, у средневекового человека была политическая доктрина, органически связанная с католической религией и включавшая в себя содержательный идеал человека – подра-

жание Христу. В нашу задачу не входит изложение *истории* политических доктрин; на средневековую теорию общества мы ссылаемся лишь для того, чтобы подчеркнуть возможность *качественно различных* доктрин. Ясно, что доктрина, включающая «идеал человека», должна быть уже (специальнее, локальнее) доктрин, выражающих лишь «вечные» психологические установки.

Социалистическое учение было реакцией христианского человека на безразличие к «человеческим идеалам», выразившееся в обеих «буржуазных» политических доктринах. Христианские корни социализма были очевидны для его основоположников. Мы еще вернемся к этому вопросу, представляющему почти непреодолимые трудности для нынешних ретроградов. Дело в том, что ретрограды в наше время тоже измельчали. Де Местр и в самом деле готов был вернуться в Средние века; нынешние ретрограды о Средних веках не знают, а хотели бы вернуться к тому гораздо менее определенному времени, когда все было хорошо.

Классиками социализма являются так называемые «утописты» (Платон, Кампанелла, Мор, Бабеф, Сен-Симон, Фурье), реформаторы (Оуэн) и «систематики» (Маркс и Энгельс). Более поздние социалисты, практически действовавшие на политическом поприще, не создали теоретических построений сколько-нибудь общего характера; как мы увидим, это не случайно. Поэтому современный социалист, от имени которого ниже излагается социалистическая доктрина, является личностью, в некотором смысле, синтетической.

Общество – говорит социалист – состоит прежде всего из людей. Доктрины, которые мы только что слышали, это обстоятельство упорно игнорируют. Если верить либералам, общество состоит из «собственников»; каждый из них сидит за своей оградой, боязливо поглядывая на соседей. В других людях он не нуждается, ему нужна только их рабочая сила. Идеал такого собственника – безопасно сидеть в одиночестве на своем добре. Но это противно природе человека: еще Аристотель учил, что человек – животное общественное. Если верить консерваторам, человек – прежде всего англичанин, негр или еще какой-нибудь представитель расы и культуры, для которого важнее всего быть с людьми того же рода. Идеал его сводится, по-видимому, к тому, чтобы не общаться с неграми, если он англичанин, и не говорить по-английски, если он негр. И это тоже противно природе человека: все люди – братья.

При всех видимых разногласиях и либералы, и консерваторы представляют не человека вообще, а человека господствующего класса, унаследовавшего или добывшего себе состояние и положение в обществе. Для такого человека важнее всего сохранять то, что у него есть. Судьба других людей его интересует лишь в той мере, насколько эти люди могут быть полезны или вредны для общественного строя, который он хочет сохранить. Между тем подавляющее большинство людей в сохранении этого строя не заинтересовано. Человек, у которого нет другого имущества, кроме собственной рабочей силы, не может чувствовать и думать, как богатый промышленник или сидящий в своем поместье аристократ. Первый из них заботится о своих заводах и банках, второй – о своих земельных угодьях. Они стремятся избежать в будущем

всех возможных перемен. Но будущее рабочего не обеспечено ничем. Он живет из недели в неделю, дотягивая до следующей полочки. Малейшая болезнь означает, что этой полочки не будет, и тогда его ждет голод или унижительная благотворительность господ. Старость для него – катастрофа, потому что у простого труженика нет сбережений. Все прекрасные вещи, о которых мы здесь слышали, – это досужие заботы спокойных, сытых людей, людей, которым есть что терять. Пролетарию нечего терять, кроме своих цепей, цепей, которыми он привязан к чужому заводу или чужому полю, где он обречен трудиться. Когда хозяин нежится в постели, труженика поднимает гудок или крик петуха. Не думаете ли вы, что его мысли и чувства похожи на политическую систему его хозяина? Бытие определяет сознание.

Общество в том виде, как оно существует, бесчеловечно. Все его номинальные ценности для подавляющего большинства людей, создающих своими руками его богатство, остаются пустой болтовней. Либерал на полном законном основании опишет за долги ваш скарб, а консерватор сдаст вам в аренду, если вы умеете кланяться, клочок национальной территории, в изобилии доставшейся ему по наследству. Вот ваша свобода – и ваша национальная гордость.

Могут сказать, конечно, что так было всегда. История изображается как театральное зрелище, в котором выступают короли, вельможи, полководцы, а в последние века пронырливые толстосумы. Лишь изредка в этот спектакль вторгаются вопли угнетенных. Огромное большинство человечества всегда жило *вне истории*, составляло лишь навоз, на котором росла культура. Так было всегда, и некоторые утверждают, что так всегда и будет, потому что это закон приро-

ды. Они утверждают, что неравенство человеческих судеб вытекает из врожденного неравенства людей: все блага достаются более способным. Но это очевидная ложь. Владения земельной аристократии, как это признал здесь защитник консервативной доктрины, основаны на праве захвата и праве сильного и передаются по наследству. Землей завладел некогда хитрый и не стеснявшийся средствами феодал, способности которого, даже с точки зрения нынешней традиционной морали, вряд ли заслуживали вознаграждения; наследники же его просто дали себе труд родиться. Заводы и банки очень редко основывались людьми, сделавшими какое-нибудь изобретение; изобретатели продавали свои идеи за бесценок и часто гибли в нищете. Почти все крупные состояния, как показывает история, построены на преступлении. Но я не буду развивать дальше этот вопрос: достаточно и того, что в нашем обществе любое имущество передается по наследству, а способности и характер наследников совершенно случайны. Настаивать, что в этом обществе лучшие блага достаются более способным, могут только люди, чья собственная корысть состоит в сохранении такого порядка.

Главная идея социализма – это социальная справедливость. Идея эта очень древняя, истоки ее можно обнаружить у самых примитивных народов и у самых глубоких мыслителей всех времен. Если вы внимательно слушали моих оппонентов, либерала и консерватора, то вы, несомненно, заметили, что, при всем различии их взглядов, они исходят из одинаковой концепции человека: человек, по их мнению, зол, корыстен, завистлив к чужому добру, и главной целью общественного порядка они считают обуздание этих дурных наклонностей

человека. Представления этих господ совершенно произвольны. Есть племена, не знающие кражи; преступления против членов собственного племени составляют у них крайнюю редкость. Еще и в наше время в некоторых не слишком задетых современной цивилизацией сельских местностях крестьяне спокойно уходят из дому, не запирая двери. Те свойства человека, на которые ссылаются аристократы и буржуа, не присущи человеку от природы: их создает общество, не признающее природы человека. При рождении человек получает большие или меньшие способности, сильный или слабый темперамент. Но, родившись на свет, человек не хорош и не плох: он подобен чистой доске, на которой общество напишет его будущую сущность. Мы исходим из убеждения, что человек, в принципе, может быть воспитан в идеалах справедливости и добра, и в этом смысле мы, в отличие от наших противников, оптимисты. Мы исходим, далее, из убеждения, что воспитание человека и создание условий для такого воспитания – слишком важное дело, чтобы его можно было предоставить случайной игре местных настроений и доброй воле благотворителей; то, что составляет основу человеческого развития и счастья, должно быть делом всего общества, предметом его сознательных, продуманных усилий. В этом смысле мы, в отличие от наших противников, реалисты.

Итак, что же такое социализм? Это, прежде всего, убеждение в том, что человек способен сам создавать способ своего бытия. Мы не воспринимаем общество как некую внешнюю среду, к которой мы должны применяться. Понимая важность этой естественной среды в ее исторически сложившемся виде, мы считаем ее лишь совокупностью начальных условий для разви-

тия, направление которого зависит от нас. И мы верим, что бóльшая часть зол, терзающих современное общество, может быть этой сознательной работой устранена. Мы верим в прогресс.

Опыт передовых стран учит нас, что при современном уровне науки и производства можно устроить общество, в котором нет голодных и бездомных. Для этого недостаточно общего богатства страны. Необходима еще продуманная и тщательная организация общественной жизни, какую создали, например, в Швеции наши друзья социал-демократы. Вот наша программа в самых общих чертах.

Прежде всего, социализм возможен лишь в богатом обществе, а не в бедном. Мы слишком хорошо знаем, к чему ведут попытки построить общество равномерной нищеты: это общество создает робкого, вороватого нищего, а таким человеком неизбежно должна управлять деспотическая власть. Чтобы общество было богатым, оно должно эффективно производить. И мы внимательно изучаем условия, нужные для эффективного производства. Мы верим, что может быть создан новый человек, способный производить для блага общества и отождествляющийся с ним свое собственное благо. Но такой человек не может явиться сразу. Лишь богатое общество может создать нового человека, но пока мы имеем лишь старого человека, способного создавать богатства лишь старым путем. Мы ясно видим этот порочный круг и не повторим опыт тех стран, где были легкомысленно сломаны старые механизмы производства. Наш путь – не путь разрушения, а путь созидания, а это значит – путь реформы. Да, мы оставляем пока бóльшую часть промышленности и земли в частных руках. Мы не любим капиталистов, но еще долго

будем вынуждены их терпеть. Они умеют строить производство только на корысти; большинство наших избирателей-рабочих тоже не знает другого пути. И мы оставляем им – временно – их заводы и банки, их имения и дворцы. Но мы постепенно расширяем общественный контроль. Государство мы превратим в узду для частных интересов, не позволяя им творить произвол. Мы обложим этих господ прогрессивным налогом и навяжем им, осторожно и постепенно, власть рабочих комиссий.

Направляя все бóльшую часть общественного богатства на общественные цели, мы уничтожим бедность. Мы установим минимум заработной платы, на который можно прожить, пособия для воспитания детей, пенсию, обеспечивающую достойную старость. Врачебная помощь и образование, в определенных минимальных пределах, будут бесплатны и доступны всем. Мы окружим человека надежной заботой, от бесплатной дешевой колыбели до бесплатных дешевых похорон. На все это хватит той доли богатства, которую мы отнимем у господ.

Но мы хорошо помним, что наша цель – социальная справедливость. И мы будем трудиться над созданием нового человека. Для начала мы дадим ему рабочий день 6–7 часов, два выходных в неделю, оплачиваемый отпуск в полтора месяца. У него будет досуг для отдыха и культурного роста. Он сможет путешествовать, расширять свой кругозор. А там будет видно, что делать дальше. Движение для нас важнее любой жестко заданной цели. Мы – оппортунисты, от слова, означающего *удобство*. И если мы не уверены, можно ли создать рай на земле, то мы создадим на ней довольно сносную жизнь.

Мы привели речь социалиста, каким он может быть в наше время. Нетрудно заметить, что речь эта отчетливо делится на две части. Критическая часть, мало изменившаяся со времени Лассаля и Маркса, убедительна и сильна. Но едва он переходит к своей позитивной программе, тон его меняется, краски блекнут на глазах, и происходит превращение, какое бывает у всякого философа в этот критический момент. Ницше выразил это словами средневекового действия:

Adventavit asinus,
Pulcher et fortissimus

(явился осел, прекрасный и необычайной силы). Дело в том, что идеал сытой жизни и оплачиваемых отпусков создать нового человека не может. Рабочий обзаводится вещами, мастерит что-нибудь у себя в огороде, ездит по свету – и остается *старым* человеком. А других целей у социалистов нет. И возникает тупиковое общество шведского типа. Что же у такого общества впереди? Нетрудно предсказать, к чему ведет обеспеченный досуг у *старого* человека. Ветхий Адам не создает никакой культуры, он занимается выпивкой и сексом, затем наркотиками и хулиганством. В царстве скуки, где инстинкты загнаны в рамки внешнего порядка, растет преступность. И может наступить день, когда это общество никому не покажется сносным.

Революционизм

Мы выбрали это название, за неимением лучшего, для доктрины нетерпения, выражающей скорее некоторую психологическую установку, чем сознательную цель. Объявляемая цель при этом может быть какой угодно. В то время как социалист, в отличие от консерватора и либерала, предла-

гает некоторый человеческий идеал, унаследованный от христианства, революционист может предлагать самые разнообразные вещи, от анархизма до воинствующего ислама. Разных представителей этого типа объединяет не программа, не цель, а скорее – общие средства, в средствах как раз и проявляется их установка: нетерпение, жаждущее действовать *здесь и сейчас*, стимулируемое личностными трудностями (трудностями общения с людьми) и подчиненным, услужливо подгоняющим аргументацию интеллектом.

Поскольку люди этого рода выступают под каким угодно флагом, и часто по одному только флагу можно отличить «крайних левых» от «крайних правых», надо остановиться на какой-нибудь определенной окраске этого типа. Кажется, для нашего времени достаточно характерным образцом может служить итальянский «бригатист».⁵

– Мы только что слышали, – говорит революционист, – речь платного агента капитализма. Важно не то, что эти люди говорят, а что они делают. Объективно – они хорошо устроились в буржуазном обществе, взяв на себя определенную функцию – обман трудящихся. Посмотрите на жизнь вокруг. Вся несправедливость в распределении благ, о которой наш приятель социалист проливал здесь крокодиловы слезы, осталась в том же виде. Пройдите по улицам больших городов, загляните в витрины их магазинов, за ограды их резиденций. Богатые стали еще богаче, бедные беднее. Что из того, что в некоторых странах, для собственной безопасности, капиталисты бро-

⁵ «Brigate Rosse» – «красные бригады».

сают рабочим крохи со своего стола? Зато с помощью сладкоречивых ренегатов они отняли у нас надежду. Что из того, что нам иногда дают досыта есть? Сытый рабочий хуже голодного. Голодный раб бунтует, а сытый лижет ботинки хозяина. История с оппортунизмом повторяется снова и снова. Когда-то социал-реформисты примазывались к буржуазии и предавали рабочих, теперь коммунисты, носящие по-прежнему это имя, так же примазываются к буржуазии и предают рабочих. Смотрите, их вожди выстроили себе виллы в предместьях Рима, как все другие буржуа. Посмели бы они это сделать после войны? Их активисты, агитаторы, партийные бюрократы получают приличную месячную плату за счет обманутых рабочих и живут, как все мелкие буржуа с обеспеченным доходом. Бытие определяет сознание, как учил Маркс. Теперь они хотят пролезть в правительство, стать министрами, и рано или поздно это им удастся. Капиталистам нужны их услуги, чтобы управлять грязным хозяйством нашего государства. Как только они дорвутся до власти, они так же начинают красть. Вы уже слышали, как они крали в Болонье.

Подлинные коммунисты – это мы. У нас нет депутатов в парламенте, и мы при первой возможности взорвем их парламент. Ничего, что нас мало. Каждая подлинно революционная партия начинается с революционного меньшинства. Мы не обманываем трудящихся болтовней, а показываем им пример революционного дела. Мы учим их *стрелять* в классового врага. И мы показываем им, кто враг: это те, в кого мы стреляем. Только живой пример создает революционеров, и лучшие из рабочих завтра будут с нами.

Мы стреляем в капиталистов, сосущих кровь рабочего класса. Мы стреляем в их продажных судей, преследующих наших

товарищей. Мы будем стрелять в их лакеев, называющих себя коммунистами, потому что настоящие коммунисты – это мы. Для начала мы иногда стреляем им в ноги, в виде предупреждения. Кое-кто из них понимает урок. Присяжные боятся выносить нам приговоры: завтра мы доберемся и до присяжных. Все обыватели кричат, что рухнет государство. Тем лучше! Ведь государство – это аппарат насилия, направленный против рабочих, так учил Маркс.

Они вопят, что мы нарушаем принципы гуманизма. О каком гуманизме идет речь? Есть гуманизм буржуазный, и есть гуманизм пролетарский. Буржуазный гуманизм лицемерно берет под защиту *любого* человека, но если надо посадить за решетку рабочего, у них всегда найдется предлог. Наш, пролетарский гуманизм – это гуманизм для трудящихся. Пролетарский гуманизм не щадит классового врага. Ведя революционную борьбу, мы не должны быть сентиментальны. Если враг не сдастся, его уничтожают: так учил великий гуманист Максим Горький. Нам смешно, когда все эти лакеи буржуазии, от правых до так называемых коммунистов, оплакивают главного лакея буржуазии господина Моро. Мы его казнили, заставив перед тем показать стране всю свою жалкую трусость. Они жалуются, что мы его будто бы пытали. Право же, немного понадобилось, чтобы этот государственный муж раскололся, как мелкий жулик в полицейском участке. Нет, мы не будем оплакивать классового врага. Мы не скованы их классовой, буржуазной моралью. Из каждой ситуации мы извлечем наибольшую политическую выгоду – так учил нас Ленин.

Мы используем все возможности так называемой буржуазной демократии, чтобы подорвать ее изнутри. Нам говорят: большевики боролись в условиях царско-

го произвола, а вы пользуетесь свободой. Тем лучше! Они вынуждены сохранять видимость гражданских свобод, чтобы обманывать рабочий класс, а мы используем их вынужденную слабость. Всюду, где они не смеют стрелять, будем стрелять мы. Они отменили смертную казнь, а мы ее снова ввели. У нас есть свои адвокаты, знающие все уловки их законов. У нас есть – не сомневайтесь в этом – свои люди в полиции и в суде, и мы знаем наперед их планы.

В горниле революционной борьбы мы воспитаем нового человека, недоступного ржавчине коррупции, не ищущего ничего для себя, строителя нового мира. Для этого нужно, чтобы не было личного благополучия, личного счастья, ничего, расслабляющего бойца. Залог успеха – борьба без пощады, без отдыха, без передышки, *непрерывная борьба*⁶

Чтобы убедиться в нейтральном характере объявленных здесь целей, достаточно проделать несложное упражнение: подставить другие цели, с сохранением тех же средств. Мы предлагаем для этого упражнения два варианта.

(1). Целью объявляется идеальная исламская община. Враг – международный империализм и сионизм. Местный колорит: Ливия, Сирия, Организация освобождения Палестины, Черный сентябрь. Авторитеты: так учил пророк, так говорит Коран, Коран есть подлинный социализм.

(2). Целью является идеальное национальное государство. Враг – международный коммунизм, мировое еврейство, масонство, гнилой либерализм. Местный колорит: немецкий, итальянский, русский. Авторитеты: Гитлер, Муссолини, в более утонченном варианте Конрад Лоренц, Бердяев.

⁶ Lotta continua – один из лозунгов итальянских «крайних левых».